

Национальный вопрос

Страна эмигрантов

Америка – страна эмигрантов¹, это банальность. Ехали и едут отовсюду. В университете это особенно заметно. Лица белые и черные, «латиноамериканские», самые разные восточные. У Барбары на лекциях можно уже не только лица различать. Выборка небольшая, но показательная. В «студенческой» (undergraduate) группе – одна литовка, один русский, двое «испаноязычных», один индеец, все, видимо, недавние эмигранты. Остальные – шесть или семь человек – «нормальные» американцы. В аспирантской (graduate) группе самих аспирантов было пятеро – голландец, поляк, японка (тут уже не эмигранты, просто приехали в аспирантуру) и двое американцев. Один из американцев, Стив, до аспирантуры был миссионером в Перу и привез оттуда жену-перуанку. Еще на лекции ходила одна венгерка – студентка-дипломница из соседнего колледжа. Вообще среди аспирантов департамента лингвистики американцы в явном меньшинстве. Процентом 70 – 80 приезжает со всего мира: испанцы, поляки, японцы, корейцы, африканцы, кого только нет (я перечислял их в мужском роде, хотя в основном это девушки).

А в осеннем семестре я ходил на лекции по программированию. Это уже относилось к “Department of Computer Science”, и там было впечатление, что половина студентов – китайцы, корейцы и вьетнамцы. А ассистентами лектора-американца (teaching assistants) были индеец и вьетнамка.

Но и вне университета разнообразия хватает. Вокруг Амхерста живет много поляков – едешь по дороге и видишь на разных вывесках польские фамилии. В основном – это старые эмигранты, довоенные и раньше. Из газет знаю, что в соседних городах, Нортхэмптоне и Спрингфилде, много вьетнамцев. И в Амхерсте, судя по лицам, дальневосточных людей хватает, кажется особенно много камбоджийцев. К Барбаре ходили «cleaner’ы» (дом убирали), семейная пара, американец Стив и его жена Жанет, филиппинка. В супермаркете можно иногда слышать и русскую речь. Барбара говорит, что в Массачусетсе сравнительно много итальянцев и ирландцев, а в южной части штата – португальцев. Это старые эмигранты.

Надо сказать, что само слово *национальность* я употребляю по своей советской привычке. Здесь и спрашивать о национальности считается неприличным. Да и не поймут. Все граждане Америки по определению американцы. Даже в разговорах с Барбарой я много раз на это наткнулся. Ну, например, я уже писал, что в музее Кларка нам показывала коллекцию Дюрера милая девушка, аспирантка тамошнего колледжа. Барбара довольно долго разговаривала с ней – кто она и откуда. У девушки был характерный разрез глаз, и я спросил у Барбары: – «Она японка?» – Барбара несколько напряглась и сказала: «Она американка, японского происхождения». А меня меньше всего интересовало гражданство. Для меня национальность – это, прежде всего, так сказать, культурные корни человека (культурные – в самом широком смысле, отражающие часто какие-то прототипические черты национального менталитета). И я не вижу ничего неприличного в такого рода интересе. Американцы же обеспокоены политической корректностью, а культурные различия часто склонны не то чтобы недооценивать, но относить к частной жизни, к чему-то из сферы *privacy*.

И решение «национального вопроса» в Америке – это *melting pot*, «плавильный котел», в котором все эмигранты должны «переплавиться» и стать американцами. Хотя и не все так быстро переплавляются. Негры не белеют, *chinatown’ы* («китайские города») существуют во многих крупных городах, русские, которых я встречал, русский язык не забывают, а латиноамериканцы, говорят, медленно осваивают английский.

Две модели

Пожив тут немного, вдруг понимаешь, что эта американская модель «решения национального вопроса» диаметрально противоположна советской. И что советская, если отбросить все ее советские особенности, издержки и просто мерзости, а посмотреть на, так сказать, ее идеал, представляется совсем не плохой. Один основной язык, русский – по основному населению и естественный для «межнационального общения». Основной провозглашаемый принцип – это развитие национальных культур. Каждый человек учится в школе на родном языке, растет и живет в своей национальной культуре. А русский он учит из естественной необходимости общаться с другими жителями страны, для удобства жизни в одной стране. Если же русский живет среди другого народа, он учит в школе язык этого народа, не забывая, естественно, свой язык.

Повторяю, я говорю о провозглашаемой идеальной модели. Конечно, вся советская идеология была демагогичной и в «национальном вопросе» демагогии тоже хватало. Советский Союз был империей, совершались ужасные преступления против целых народов и т.п. Все это хорошо известно. И реальная жизнь, даже если забыть о крайностях, несколько отличалась от провозглашаемой идеи. Например, в Казани, где я учился, татарских школ почти не было. Почти все татары учились в русских школах, и все говорили по-русски. Но я не помню ни одного русского, говорившего по-татарски, в школах татарскому языку не учили. Был, правда, в городе татарский театр, очень популярный. Радио половину времени говорило по-татарски. Книги на татарском языке продавались в магазинах. Но мои одноклассники-татары по-татарски читать не умели. Сейчас что-то изменилось, татарских школ больше, в русских школах учат татарскому языку, не знаю уж, насколько успешно. Но знаю, что муж дочери моего приятеля, русский, живущий в Казани, и вовсе не лингвист, выучил татарский язык. Не знаю, много ли таких.

Реализация идеальной национальной модели ограничивалась, конечно, не только тем, что власть относилась к этому идеалу демагогически. Иногда были просто экономические ограничения. При советской власти для многих народов действительно была создана письменность, и начали работать национальные школы. Но не для всех. На всех не хватало денег и энергии. Поэтому не у всех малых народов была письменность. Например в Дагестане почти сорок дагестанских языков, а письменность существует, кажется, только для шести. Для остальных народов естественно нет национальных школ, и в школах в качестве «родного языка» учат аварский.

А уж за пределами «национальных образований» вообще нет никаких национальных школ. Больше половины тех же татар живет вне Татарии, в частности, несколько сот тысяч в Москве. Уже после советской власти одно время начали говорить, что неплохо бы и в Москве иметь татарские школы, но не уверен, что открыли. Т.е. нерусские, живущие за пределами своей «национальной территории», поневоле становятся русскими, ассимилируются.

Но все же повторяю – в этой модели, в ее идеале, национальная культура, язык провозглашались ценностями, которые нужно холить и лелеять.

* * *

В Америке же почти ни у кого (по крайней мере, у среднего человека) и идеи такой не возникает, что национальная культура, язык – это богатство.²

Вообще, видимо, среднего американца другие страны и другие культуры, не слишком волнуют. Разве что национальные кухни – национальных ресторанов тут каких только нет. А так, по крайней мере если судить по газетам, по телевидению – все сфокусировано на внутренней жизни. В школе учат, конечно, иностранным языкам, как правило, начиная с high school. И уж, конечно, в университетах. Хотя часто это не обязательно, хочешь – можешь

«взять» курс какого-нибудь иностранного языка, из тех, которые преподают. Сейчас, говорят, интерес к иностранным языкам в университетах падает, особенно, к «привычным» – французскому, немецкому, русскому. Многие кафедры сокращаются. Хотя некоторые, например испанские, японские, китайские, расширяются. В UMass что-то произошло с кафедрой славянских языков, вроде бы она прекратила свое существование, хотя как-то еще можно учить и русский, и польский. И в других университетах славянские кафедры не в самом почетном положении.

И действительно, зачем американцу учить иностранные языки – весь мир хочет говорить по-английски.³

А дети эмигрантов сразу или почти сразу идут в нормальные английские школы. Например, семья моего приятеля приехала в Америку в марте 1998 года. Какое-то время все они учились на курсах английского языка, а в сентябре его семилетняя внучка пошла в нормальную американскую школу. И уже разговаривает со своими куклами по-английски.

Я вовсе не хочу сказать, что в Америке как-то плохо относятся к иностранцам, к тем, кто не знает английского. Наоборот, им стараются помогать. Приведу несколько примеров, просто то, что помню, с чем сам сталкивался. Когда я сдавал экзамен по правилам уличного движения, это можно было делать по-русски и еще на двух десятках языков. В центре переводов UMass'а я переводил с английского на русский брошюру для родителей умственно отсталых детей. Брошюру подготовил «Департамент умственной отсталости» штата Массачусетс (это буквальный перевод для Department of Mental Retardment), и они переводили ее на разные языки, заботились об иностранцах, живущих в штате и не умеющих читать по-английски. На телевидении есть специальные каналы. Например, в том наборе из 30 с лишним каналов кабельного телевидения, которые есть у Барбары, есть два испанских и один International channel, международный канал, где каждый день больше часа говорят по-русски (правда, довольно скучно – программа «Вести» и что-то американское, но очень похоже на советское телевидение, даже дикторши). Наверное, можно заказать и другие «иностраннные» каналы.

Т.е. иностранцам помогают – раз уж они не знают английского языка. Но вот такой идеи – учить детей приехавших эмигрантов не только английскому, но и их родному языку, помогать им жить не только в американской культуре, но и в их национальной – этой идеи на, так сказать, «всеамериканском» уровне нет. Модель, повторяю, противоположная, этот самый «плавильный котел».

Самая массовая иммиграция – «испанская», из Мексики, Кубы, других стран латинской Америки. А испанских школ почти нет. Во многих местах, где набирается достаточно много детей какой-нибудь национальности, есть так называемое bilingual education, «двухязычное обучение», но официальная цель этой программы – облегчить детям усвоение английского языка. Т.е. как бы обучение английскому языку с некоторой помощью родного. Но и эта программа многих раздражает, налогоплательщик не хочет тратить на это деньги, вроде бы ее постепенно прикрывают.

Спекуляции и маниловщина – можно ли не совсем переплавляться?

Конечно, ситуация здесь исходно другая, в принципе не такая, как, например, в России. Эмигранты, хоть и их других культур, но приехали сюда сами, добровольно, чтобы жить в Америке. И сами хотят стать американцами.

Но как-то обидно, что люди лишаются своего языка и своей культуры. Ведь язык, культура – не меньшее богатство, чем дом или автомобиль. Обидно именно то, что большинство эмигрантов готово смириться с этой потерей, по крайней мере – для своих детей. Сохранить свою культуру, свой язык можно, в общем-то, при одном условии – если

есть национальные школы. Т.е. школы, в которых национальному языку, национальной культуре уделяется достаточно внимания. Я спрашивал у многих знакомых, в основном лингвистов, есть ли в Америке национальные школы. Никто не знал.

Вроде бы что-то есть в тех местах, где какие-то меньшинства живут кучно. Например, китайские школы в chinatown'ах. Или, японские школы в местах, где японцы живут достаточно плотно. Еврейские религиозные школы в Нью-Йорке. Может быть, есть еще что-нибудь, например, испанские школы во Флориде и Калифорнии, где много испано-язычного населения (во Флориде местами чуть ли не 80%). Но, повторяю, никто ничего определенного не знал. Надо бы официальный запрос сделать. Но и само это незнание моих собеседников (повторяю, лингвистов) очень характерно.

Но, может быть, идея сохранения своей культуры и должна занимать не государство, а прежде всего носителей этой культуры. И иногда занимает. Моя знакомая, Таня К., приехала в Америку в середине семидесятых. На редкость успешная профессиональная карьера. Вышла замуж за стопроцентного американца, родила двух дочек. Прекрасно говорит по-английски. Казалось бы, их дочкам совсем естественно стать «обычными» американскими детьми. Но Таня, при всей занятости на своей работе, тратит массу времени на то, чтобы дочери выросли не только американками, но и русскими, говорили и читали по-русски, жили бы и в русской культуре. Конечно, это подвиг, на который не каждый способен.

Тут есть два фактора, в каком-то смысле противоположных. С одной стороны, эмигранты и так тратят массу энергии на то, чтобы освоиться в новом для них окружении, в новой культуре. Им трудно. И вовсе не до того, чтобы думать о таких материях – чтобы дети сохранили родной язык. Часто наоборот – они хотят оградить детей от трудностей, интуитивно стремятся к тому, чтобы дети поскорее вросли в этот мир.

Но есть и тяга к своей культуре. Растет осознание своей самобытности. Я уже писал о популярности национальных телевизионных каналов. Один местный пример. В Амхерсте, где мы живем, произошла смена телевизионных кабельных кампаний. И новая кампания решила сократить один испано-язычный канал. Поднялась буря протестов и кампания испугалась, вернула канал.

Другой пример. В Америке есть классификация по этническому принципу – белые, черные, «азиаты» и «латинос» – выходцы из Латинской Америки. Так вот процент пользователей Интернета выше всего у «азиатов», потом идут «латинос», а уже потом – белые. Хотя средний уровень образования и благосостояния у «латинос» существенно ниже, чем у белых. Ясно, что «азиаты» и «латинос» предпочитают смотреть *свои* сайты – на своих родных языках, про свои проблемы (как я смотрю, в основном, русские сайты).

Поэтому можно поспекулировать, что тяга к родной культуре у эмигрантов будет расти. Что «национальная» идея – сохранение своего языка и культуры – овладеет массами. И они захотят учить своих детей в школах, в которых, наряду с английским, будет и родной язык. Конечно, осуществить эту идею было бы нелегко. Эмигранты, приезжающие в Америку, как правило, рассеиваются по стране. Хотя, как я уже писал, и не очень равномерно. Очень во многих местах есть большие национальные communities. Как тот же самый Брайтон Бич. Кроме того, нужны учителя, деньги, громадная организационная работа и, главное, переосмысление сложившейся американской модели. Причем не только среди «новоэмигрантской», но и «коренной», англоязычной части общества.

Хотя, сейчас, в эпоху Интернета, была бы идея, желание и энергия – и можно было бы организовать не только семейное национальное воспитание, но и «виртуальную национальную жизнь», национальные Интернетовские школы, мало ли что. И, может быть, что-то в этом роде уже есть, и я просто про это не знаю.

Примечания

¹ Барбара прочитала эту фразу и спросила: «Почему *эмигранты*, а не *иммигранты*?». Это интересно. Речь ведь идет об одних и тех же людях, но ей естественно назвать их *иммигрантами*, а мне – *эмигрантами*. Мы, конечно, одинаково понимаем эти слова. Дело, видимо, в точке зрения. Она смотрит изнутри, а я извне, не отождествляя себя с Америкой. Но, видимо, это еще не все. Я подумал, что по сути дела, в русском языке нет слова *иммигрант*, т.е. есть, конечно, но это иностранное слово. В самой России никогда не было такого понятия. Люди, конечно, приезжали, но их называли как-то по-другому или никак не называли. А *эмигрант* – слово вполне русское.

² Прочитав этот кусочек и соответствующие места дальше, Барбара не только не согласилась со мной, но и слегка обиделась. То, что я написал, конечно, имеет место, но это мнение, так сказать, консервативной части общества, в основном, республиканцев. Либеральные интеллектуалы, а уж, тем более, лингвисты, думают, конечно, по-другому. Они не сомневаются в ценности языка, национальной культуры и т.п. И стараются влиять на национальную политику соответствующим образом. Стремление к разнообразию (*diversity*), в частности, национальному, провозглашается в большинстве университетов и колледжей. Поддерживается, например, *bilingual education*, etc.

Но «консервативный обыватель» в основном все-таки хочет жить только в англоязычной культуре, остальные его раздражают. Наш приятель Дэвид Перлмуттер рассказывал такой случай. Где-то в Калифорнии группа людей, явно американцев, разговаривает на каком-то языке. В стороне стоит «стопроцентный» американец и ворчит: «Приехали жить в Америку – могли бы выучить английский». Оказалось, что это была группа каких-то американских индейцев, разговаривавших на своем языке.

³ Тут я, конечно, явно перегибаю. Прежде всего, американцы много ездят по всему миру. Барбара, конечно, не самый типичный случай, но все же. Лет пятнадцать тому назад они всей семьей провели год в Голландии, дети учились в голландской школе, и поневоле выучили голландский язык. Потом один сын провел год в Германии, учился в немецкой школе. Дик, брат Барбары, был профессиональным бейсболистом. Какое-то время он играл в Мексике, там женился на мексиканке. Свободно говорит по-испански. Его дети, правда, учились уже в американских школах и по-испански не говорят. Но внуки сейчас учат испанский. Я не говорю уже о самой Барбаре, которая объездила весь мир и говорит на нескольких языках.